

наш
XX
век

75
лет
ПОБЕДЫ

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ

ТЮЛЕНЕВ

ЧЕРЕЗ ТРИ ВОЙНЫ

ВОСПОМИНАНИЯ КОМАНДУЮЩЕГО
ЮЖНЫМ И ЗАКАВКАЗСКИМ ФРОНТАМИ

Наш XX век

Иван Тюленев

**Через три войны.
Воспоминания командующего
Южным и Закавказским
фронтами. 1941—1945**

«Центрполиграф»

2021

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(0)62

Тюленев И. В.

Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941—1945 / И. В. Тюленев — «Центрполиграф», 2021 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07920-6

Через три войны прошел автор этой книги, генерал армии Иван Владимирович Тюленев (1892—1978). Он остался в российской военной истории обладателем единственного сочетания высших боевых наград. Полный Георгиевский кавалер, кавалер трех орденов Красного Знамени, Герой Советского Союза. Настоящее издание является наиболее полным изданием мемуаров И.В. Тюленева. Для широкого круга читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-227-07920-6

© Тюленев И. В., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

«Он выиграл дуэль с Гитлером»	6
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Иван Владимирович
Через три войны. Воспоминания
командующего Южным и
Закавказским фронтами. 1941 – 1945**

Серия «Наш XX век» выпускается с 2013 г.

© И.В. Тюленев, наследники, 2021

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2021

«Он выиграл дуэль с Гитлером»

Через три великих войны XX века прошел рядовой драгун, а впоследствии генерал армии Иван Владимирович Тюленев (1892–1978). В каждой из этих войн он был удостоен высших боевых отличий. Во всей плеяде наших выдающихся полководцев все же не найти второго с таким редчайшим сочетанием наград. В годы Первой мировой войны Иван Тюленев – волевой и энергичный лидер среди своих товарищей-солдат – становится полным Георгиевским кавалером. В Гражданскую войну – начальник разведки, командир бригады Первой Конной армии. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал: «Три ордена Красного Знамени украсили грудь мужественного кавалериста. В то время такая высокая честь оказывалась только героям из героев». 23 января 1922 года в здании Моссовета на Тверской, 13 «красный герой» И.В. Тюленев был награжден оружием единственной в своем роде ценностью.

С большим запозданием, лишь в 1978 году, на пороге кончины И.В. Тюленев, командовавший в 1941–1945 годах Южным и Закавказским фронтами, «за выдающиеся заслуги... личное мужество и героизм» был удостоен звания Героя Советского Союза.

Еще офицеры Каргопольского драгунского полка, а затем командующий Первой Конной армией С.М. Буденный отмечали, что Тюленев – всегда там, где труднее, где решается исход боя. Четырежды он проливал кровь на полях сражений, последний раз уже в звании генерала, в дни тяжелого отступления 1941 года, когда Тюленев, по словам очевидцев, словно «бросал вызов судьбе»...

Ивана Владимировича всегда ценили за мудрость и здравый смысл, отсутствие зависти и карьеризма, доброе тепло души... Светлый, порядочный человек – таким он остался в памяти у всех, кто знал его до последних дней жизни.

В одном из поздравлений начала 1970-х Маршал Советского Союза А.М. Василевский выразил мнение многих: «Всегда с огромным удовлетворением и благодарностью к Вам вспоминаю нашу совместную многолетнюю (с 1931 г.) службу и работу. Незабываем Ваш авторитет в Наркомате, Генштабе, в войсках. Незабываемо то, что так отлично содеяно Вами в самые ответственные моменты (подчеркнуто мной. – А. Т.) для защиты нашей Советской Родины».

Мемуары И.В. Тюленева «Через три войны», напечатанные Воениздатом в далеких 1960 и 1972 годах, давно стали библиографической редкостью. К тому же, как показало со всей очевидностью изучение сохранившихся в семейном архиве черновиков, воспоминания генерала армии были абсолютно бесцеремонно изрезаны военно-партийной цензурой. Остается удивляться тому, как умели цензоры той поры убирать из текста страницы, ключевые для понимания важнейших событий, деятельности автора и тех, кто его окружал, не говоря уже о моментах острых, по которым до сих пор нет единого мнения у историков.

Как-то в кабинете И.В. Сталина (об этом рассказывал в кругу семьи И.В. Тюленев) после Победы речь зашла о том, как надо писать о завершившейся войне. С.М. Буденный высказал мысль о том, что писать надо так, как отразил Лев Толстой в своем романе «Война и мир» эпопею 1812 года... Все присутствующие стихли, задумались. Верховный главнокомандующий тоже помолчал и заключил: «Сейчас еще рано. Писать историю минувшей войны надо, но только через пятьдесят лет...»

Лишь в 2005 году вышла в свет книга «Генерал армии Тюленев: Москва в жизни и судьбе полководца: Сборник документов и материалов». Этот фундаментальный сборник стал первой книгой о И.В. Тюленеве. В книге была опубликована в полном виде статья Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна, которому на закате жизни «в первую очередь вспоминается мой соратник и большой друг» – И.В. Тюленев... После ранения под Днепропетровском в августе 1941-го Иван Владимирович не просто отлично справился с задачей, поставленной перед ним Государственным Комитетом Обороны: «Деформировать 14 стрелковых и 6 кавалерийских диви-

зий, организовать их обучение современному ведению боя и сколотить их, чтобы в течение 2-х месяцев дивизии представляли вполне боеспособные единицы». Из этих дивизий уральцев была по инициативе И.В. Тюленева создана 28-я резервная армия. Затем, как указывает И.Х. Баграмян: «С началом контрнаступления большинство дивизий этой армии было направлено в действующую армию. Они прославили свои знамена, сражаясь на Западном, Калининском и Волховском фронтах. Эти войска, подготовленные И.В. Тюленевым, сыграли решающую роль в разгроме фашистских орд на подступах к столице» (подчеркнуто мной. – А. Т.).

И на подступах к Орджоникидзе (Владикавказу) осенью 1942-го, в решающий момент битвы за Кавказ, как отмечает И.Х. Баграмян, «И.В. Тюленеву удалось организовать стойкую, поистине железную оборону, а затем... разгромить ударный клин Клейста и отбросить его войска...» Как полагал маршал в 1981 году: «Нам еще предстоит воссоздать яркую и героическую картину битвы за Кавказ».

Историки не без оснований называют битву за Кавказ пиком полководческой деятельности И.В. Тюленева. Ведь битва за Кавказ была прежде всего битвой за нефть, за горючее, которое решало все в той войне моторов. Весной 1942 года Гитлер объявил задачей номер 1 рейха именно овладение кавказской нефтью (которая составляла три четверти всей нефти, добывавшейся в СССР).

Кстати говоря, немцы в своих книгах гораздо раньше и гораздо более весомо оценили полководческое искусство генерала армии И.В. Тюленева. Из статьи И.Х. Баграмяна вычеркнули цитату из дневника начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Ф. Гальдера, хотя эта книга уже была опубликована в Советском Союзе. Другую цитату из того же дневника приводит в своих мемуарах И.В. Тюленев. 26 июля 1941 года Гальдер, характеризуя действия командующего Южным фронтом Тюленева, писал: «Противник снова нашел способ вывести свои войска из-под угрозы наметившегося окружения. Это, с одной стороны, яростные контратаки против наших передовых отрядов 17-й армии, а с другой – большое искусство, с каким он выводит свои войска из угрожаемых районов и быстро перебрасывает их по железной дороге и на автомашинах».

Подводя в 1963 году итог главе «Терек становится границей немецкого наступления» в своем труде «Восточный фронт» (М., 2003. С. 473), П. Карель (он же П. Шмидт, бывший сотрудник рейхсминистерства иностранных дел, переводчик Гитлера) констатирует:

«Наступление на черноморские порты, на нефтяные месторождения и на Баку, Тифлис и Батуми потерпело крушение в нескольких десятках километров от цели. Продвижение на всем фронте остановилось.

Почему?

Потому что новая советская тактика гибкого отхода сорвала замыслы операций на окружение вражеских войск в районе между Доном и Донцом. Потому что советский главнокомандующий (имеется в виду именно И.В. Тюленев. – А. Т.) сумел в последний момент восстановить контроль над частями и соединениями, отступавшими с Дона на Кавказ».

Прежде всего, Тюленев, конечно, уже знал противника, его сильные и слабые стороны. Еще 21 июля 1941 года генерал армии пишет докладную – несколько страниц в Ставку, где весьма проницательно анализирует немецкую тактику, «рассчитанную на ошеломляющий удар силами танковых и моторизованных войск и сеяние паники среди наших войск». Здесь же Тюленев пишет и о недостатках командования Красной армии: «Необходимо со всей решительностью подчеркнуть плохое управление общевойсковым боем, начиная от полка до корпуса... Оно, как показывает опыт, зиждется главным образом на директивах, кстати сказать, несвоевременных, не отвечающих тактико-оперативной обстановке...» Предлагает командующий и меры, которые следует принять. Позже И.В. Тюленев подчеркивал, что «особенно

пригодился мне опыт первых месяцев войны в подготовке стратегических резервов в Уральском военном округе осенью 1941 года».

Квинтэссенция боевого опыта первого года войны – в докладе И.В. Тюленева на сборе высшего начсостава Закавказского фронта 8 мая 1942 года. Четко, лаконично и ясно показаны особенности тактики немецких войск, необходимые методы и способы противодействия. До появления немцев у предгорий Кавказского хребта еще оставалось три-четыре месяца, Тюленев имел время на продуманную им подготовку, поэтому противник сразу почувствовал силу сопротивления бойцов Закавказского фронта.

В сложнейшей обстановке 1942 года И.В. Тюленев сполна проявил необходимые полководцу качества: способность принять на себя всю ответственность за рискованное решение, осмотрительность и точный расчет, интуицию и дар предвидения событий, простоту и ясность в составлении планов, а также то особое видение позиции, которое А.В. Суворов называл глазомером. Причем эти качества полководцу надо уметь применять, как писал еще К. Клаузевиц, в особых условиях: «Своеобразное затруднение представляет недостоверность данных на войне; все действия ведутся до известной степени в полумраке»¹.

Хорошо знавший Кавказ, служивший здесь до войны несколько лет, Тюленев предлагает и отстаивает перед Ставкой свое предложение «оборонительный рубеж вынести значительно вперед и оборудовать его на линии рек Терек и Урух... Приняв решение оборонять Закавказье с выносом главного оборонительного рубежа на Терек, я наряду с рекогносцировкой данного рубежа, проведенной на местности, тщательно проводил его с воздуха.

В те весенние дни 1942 года можно было часто видеть, как небольшой самолет подолгу кружил над территорией между рек Терек и Сулак. Он то шел низко, то высоко поднимался вверх, то снова опускался вниз и переходил на бреющий полет.

Осмотр местности с самолета еще больше убедил меня в правильности принятого нами решения».

Зачем цензорам и редакторам книги «Через три войны» понадобилось вычеркивать и этот эпизод, принижая решающую личную роль И.В. Тюленева в принятии нового плана обороны Кавказа?.. Всё в годы так называемого застоя должно было быть изображено безлико, сглаженно, после обязательной нивелировки событий и личностей.

...Прежнее командование округом в 1941–1942 годах считало необходимым отступить далеко назад, до «непроходимых» Махачкалинского рубежа и перевалов Главного Кавказского хребта, обосноваться там с наименьшим риском, оставив при этом немцам большую территорию. Можно только предполагать, как сложилась бы оборона Кавказа, если бы на месте Тюленева остался предыдущий командующий – обладавший недостаточной для полководца волей генерал Д.Т. Козлов, который, как известно, под грубым давлением интригана и дилетанта в военном деле Л.З. Мехлиса привел войска Крымского фронта к катастрофе...

И.В. Тюленев, в отличие от своего предшественника, был способен отстаивать собственную точку зрения, заставить прислушиваться к своему мнению таких посланников Кремля, как Л.М. Каганович и Л.П. Берия, а также других деятелей из НКВД. Хотя можно лишь догадываться, сколько нервов стоили ему угрозы «сломать хребет» и т. п.

Что в первую очередь придает настоящему полководцу решимость перед натиском врага, а также в отстаивании собственного мнения? Анализируя этот вопрос на основе романа «Война и мир», известный психолог академик Б.М. Теплов писал: «Позиция Толстого в вопросе о предвидении на войне (не та позиция, которую он стремится доказать в рассуждениях, а та, которую он показывает как художник) следующая: предвидение на войне не может быть делом более или менее механического расчета, не может быть извлечено из некоторой отвлеченной теории или науки, оно есть прежде всего дело чувства и доступно лишь тому полководцу,

¹ Цит. по: Теплов Б.М. Ум полководца. М., 1990. С. 82.

который *живет одним чувством с армией и народом*», в этом источник мудрости настоящего большого полководца. Воплощением этой идеи и является образ Кутузова»².

Глубоко символично, на наш взгляд, награждение И.В. Тюленева одним из первых орденом Кутузова 1-й степени...

Характерно и то, что Иван Владимирович в полной мере обладал исконно русской отзывчивостью и способностью к пониманию характера, психологии и быта многочисленных народов Кавказа, он сумел сплотить их в противостоянии общему врагу. Возможно, именно эти свойства личности И.В. Тюленева, его ум и такт были одной из главных причин, побудивших И.В. Сталина оставить командующего Закавказским фронтом на своем посту до конца войны.

М.Н. Тюленева (жена сына генерала – А.И. Тюленева) вспоминает: «Многое связывало Ивана Владимировича с Грузией, с Тбилиси, где дислоцировался штаб Закавказского военного округа, а во время войны – одноименного фронта, войсками которого он успешно командовал. После кончины И.В. Тюленева по просьбе работников музея истории войск Закавказского округа парадный китель Ивана Владимировича с орденами и медалями был подарен Грузии. Как рассказывали сотрудники музея, посетители очень часто спрашивали, почему их командующий не получил маршальского звания, будучи одним из первых генералов армии. Музейщики уверяли, что слышали ответ самого Ивана Владимировича: «Мое маршальское звание получил Лаврентий Берия».

Берия действительно получил столь высокое воинское звание во время войны. Я помню беседу в кругу друзей Ивана Владимировича, когда заговорили о Берии. Многие знали, какими нелегкими были отношения Ивана Владимировича с представителем Ставки. В ряде послевоенных статей восхвалялась роль Берии в битве за Кавказ. Потом возшла новая «полководческая звезда» – Л.И. Брежнев. О битве за Кавказ почти перестали вспоминать и журналисты, помню, как-то слышала удивление в приватной беседе: а была ли такая битва? С горечью прозвучали тогда слова Ивана Владимировича: «Наверное, надо было сдать Кавказ, а затем освободить. Тогда бы и оценка деятельности командования фронта была бы выше».

После развала Советского Союза изменилась ситуация и в Грузии. В музей пришли совсем другие люди. И в одну из ночей с музейного экспоната, кителя генерала армии, были сняты и украдены ордена Ленина и орден Кутузова 1-й степени. С большим трудом бывшие сотрудники музея смогли вернуть нам с мужем малую часть экспонатов, в частности китель Ивана Владимировича, на котором вместо орденов «красовались» дырки...

Удивительно интересным было торжество в Доме Советской армии в январе 1972 года, когда Иван Владимирович отмечал свое 80-летие. Он собрал старых друзей и соратников. И теперь, когда я вспоминаю имена тех военачальников, маршалов и генералов разных видов войск, оживает почти вся история Советской армии...

Гости собирались в большой гостиной, передавали поздравительные адреса. Обнимались старые друзья, узнавали тех, кого давно не видели. Затем Иван Владимирович пригласил всех в соседний зал к столу. Застолье вел Иван Христофорович Баграмян. Очень тепло поздравил Ивана Владимировича, вспомнил свою службу под началом командира особой кавбригады И.В. Тюленева в конце 20-х в Тифлисе. Продолжались официальные поздравления, а затем наступило время очень дружеских признаний гостей в своем добром отношении к юбиляру...

Генерал армии Александр Александрович Лучинский сказал: «Я работал в подчинении Ивана Владимировича с осени 1942 года. Привел из Средней Азии свою дивизию через Иран. Расскажу, как Иван Владимирович выиграл дуэль с Гитлером. Таких людей нет среди нас. Иван Владимирович был командующим Закавказским фронтом. Немецкий генерал Лист, командовавший группой армий, был смещен, так как не мог прорваться к нашей нефти. У него было тройное превосходство в людях, в самолетах и танках. Немецкие танки дошли до Терека, но

² Теплое Б.М. Указ. соч. С. 145–146.

дальше пройти не смогли. Гитлер взял на себя руководство этой операцией, но она провалилась».

...Малая родина полководца – старинное симбирское село Шатрашаны. Когда-то здесь ставили шатры татаро-монгольские завоеватели. В детстве Иван Тюленев слушал сказы бабушки Марфы Сидоровны о Степане Разине и Емельяне Пугачеве. В воспитании талантливого крестьянского парня-самородка сплетались извечные русские мечты и о вольности, и о воинской доблести. Дед был награжден Георгиевским крестом в одной из кавказских войн, отец – медалью за храбрость...

В 13 лет Иван Тюленев – в гуще крестьянского бунта 1905 года, в числе вожаков которого были его отец и брат. Затем Иван уезжает на Каспий, где становится закаленным матросом-рыбаком.

В 1913–1917 годах Тюленев служит в знаменитом Каргопольском полку. Видевшие Тюленева в седле знатоки называли его «настоящим кентавром» (И.Х. Баграмян) и «рыцарем искусства верховой езды» (И.Ф. Бобылев). Иван Владимирович навсегда останется одним из всадников с Красной площади, одним из тех немногих, кто командовал здесь парадом.

Знарок истории кавалерии И.Ф. Бобылев пишет: «Драгуны были храбрыми кавалеристами, смелыми и лихими всадниками. В памяти сохраняются когда-то прочитанные и запомнившиеся строки, характеризующие драгун:

Из-под кочек, из-под пней
Лезет враг оравой.
Гей, драгуны, на коней
И айда за славой!

Кавалеристами по праву считали себя такие легендарные полководцы, как Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, С.М. Буденный, С.К. Тимошенко, К.А. Мерецков.

...Кавалеристы – это слово останется в памяти людей как синоним красоты и благородства, внутренней и внешней подтянутости, мужества и отваги человека»³.

Легендарный кавалерист Герой Советского Союза П.А. Белов во время пятимесячного рейда по немецким тылам в 1942 году заставил противника ввести в действие против его корпуса 11 дивизий (Ф. Гальдер отмечал в своем дневнике: «Нам это не делает чести...»). П.А. Белов писал: «Великая Отечественная война – «лебединая песня» кавалерии. Советские конники достойно «спели» ее. Все 10 кавалерийских корпусов Красной Армии стали гвардейскими»⁴.

Да и побежденный Тюленевым танковый стратег и неудавшийся покоритель Кавказа генерал-фельдмаршал Э. фон Клейст в Первую мировую войну командовал кавалерийским эскадроном...

С 1918 года И.В. Тюленев – в Красной армии. Гражданская война осталась в российской истории величайшей трагедией. На линии огня с обеих сторон рубились самые убежденные, готовые пожертвовать жизнью за идею, за судьбу страны. Спустя несколько лет после ушедшего в прошлое века очевидно: в 1920—1930-х годах выход из мирового кризиса в построении нового общества социальной справедливости видели не только беднейшие крестьяне и рабочие, но и многие представители более привилегированных классов не только в России и Азии, но и на Западе. В те годы Советский Союз был и главной преградой на пути растущего германского нацизма.

---

³ Бобылев И.Ф. Всадники с Красной площади. М., 2000. С. 29, 34.

⁴ Цит. по: А. Анохин. В труде и боях закаленное. М., 1998. С. 80.

Даже среди аристократов Великобритании появились убежденные сторонники коммунистических идей, бескорыстные сотрудники советской внешней разведки. «Положите меня в русскую землю», – попросил перед смертью бежавший в СССР известный разведчик Ким Филби, сын английского пэра и богача⁵.

Среди бойцов и командиров Первой Конной армии многие позднее обрели широкую известность. Так, П.С. Рыбалко и С.И. Богданов стали маршалами бронетанковых войск; А.И. Леонов – маршалом войск связи; А.В. Хрулев – генералом армии, начальником тыла Красной армии; Д.Д. Лелюшенко – генералом армии, командармом; А.А. Гречко – Маршалом Советского Союза, министром обороны... Этот список можно продолжать. С.М. Буденный в лучшие свои годы, несомненно, умел подбирать людей.

М.В. Фрунзе писал в 1924 году: «В нашей армии нет других частей, которые бы с такой полнотой, такой яркостью и глубиной отразили в себе, в своих действиях весь характер Гражданской войны, характер всей Красной Армии с ее достоинствами и недостатками»⁶.

И.В. Тюленев отмечал: «С.М. Буденный был врагом шаблонов, широко применял принципы взаимодействия конницы с пехотой, умел частные успехи развивать в крупные победы над врагом. Мне, как одному из командиров, которым довелось сражаться в рядах Первой Конной армии, хотелось бы отметить и такие качества С.М. Буденного, как глубокая и искренняя демократичность, близость к рядовым бойцам, чуткость и трогательное внимание к нуждам и запросам подчиненных»⁷.

...С грустью видишь, что и героя трех войн не миновала горькая чаша зависти, интриг, тяжелых утрат. Так и не удалось Ивану Владимировичу добиться после 1943 года перевода в действующую армию. Заслуженное им маршальское звание так и не было присвоено.

В 1973 году бывшего командующего Закавказским фронтом даже не пригласили на помпезный юбилей освобождения Новороссийска. Главным героем здесь был, конечно, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, в годы войны один из подчиненных среднего ранга у И.В. Тюленева.

Рано ушла из жизни верная подруга, жена Ивана Владимировича – Александра Матвеевна Тюленева (1904–1960). Ее здоровье не выдержало многих испытаний, страшных ночей 1937 и 1942 годов...

Старший референт Группы генеральных инспекторов Министерства обороны, участник Великой Отечественной войны полковник П.М. Дунаев, служивший с И.В. Тюленевым в 1970-х годах, вспоминает Ивана Владимировича бодрым и подтянутым до последних месяцев его жизни. Три-четыре раза в неделю он, всегда в военной форме, являлся на службу. Любимым отдыхом у генерала была игра в шахматы со старым другом – также прославленным полководцем Героем Советского Союза генералом армии Александром Васильевичем Горбатовым. Иван Владимирович нередко навещал его дома (у Никитских ворот). Летом генералы выходили играть в шахматы во двор. Оба любили детей. Мальчишки гурьбой собирались вокруг добродушных умудренных ветеранов, которые по всем правилам организовывали для них турнир или сеанс одновременной игры. Потом Иван Владимирович и Александр Васильевич долго чаевничали, вспоминали годы и войны...

Настоящее издание является наиболее полным изданием мемуаров И.В. Тюленева. Впервые по рукописи публикуется первая часть. В истинном виде публикуются и другие главы. Не сохранилась в семейном архиве лишь рукопись И.В. Тюленева о Гражданской войне.

Алексей Тимофеев

---

⁵ Модш Ю.И. Судьбы разведчиков. М., 1997. С. 54.

⁶ Цит. по: *Страницы большой жизни*. М., 1981. С. 7.

⁷ Там же. С. 23.

Часть первая Начало пути

Глава 1

Крестьянское восстание в селе Шатрашаны

В Поволжье, недалеко от великой русской реки, у густого соснового бора расположено по сей день старинное село, где я родился. Называется оно Шатрашаны. Почему оно так называется, никто из односельчан не знал. Предание говорит о том, что когда-то по этим местам шли монгольские полчища, которые разбивали здесь шатры и жили в них. Возможно, в этом и кроется корень названия села. Места были глухие, защищенные лесами, вокруг много лугов, поросших сочными травами. На зеленых склонах холмов располагались на отдых кочевники и жили там некоторое время, готовясь к дальнейшим походам.

В свое время по нашим местам проходили вольницы Степана Разина и Емельяна Пугачева. Былины о пугачевских делах из поколения в поколение передавались в народе. Я не слышал в 1900 году рассказы моей старой бабушки Марфы Сидоровны о том, как расправлялся Пугачев с помещиками.

Половину жителей села с далекого прошлого составляли русские, другая половина – татары.

Наше село большое – дворов до пятисот, а может, и больше. Своей земли у крестьян было мало. Многие уходили на все лето и на зиму на заработки в город. Так что крестьяне села Шатрашаны представляли собой полубатраков, полурабочих.

Род Тюленевых, – видимо, один из старейших в нашем селе. В Шатрашанах было около 18 семей Тюленевых, имевших дальней родство.

Мой отец, Владимир Евстигнеевич, был солдатом. Участвовал в Русско-турецкой войне в звании бомбардира-наводчика артиллерии, был награжден медалью за храбрость. Он много читал всевозможных книг и считался на селе грамотеем. У него было шестеро сыновей и две дочери, двое ребят от первой жены, которая умерла в 1890 году, а шестеро от второй. Я был первенцем от второй жены, третьим его сыном.

Я очень любил рассматривать его медаль, полученную в турецкой войне. Но больше всего мне, пятилетнему мальчугану, хотелось поддержать Георгиевский крест, которым был награжден дед, участник войны на Кавказе. Дед – это отец моей матери. Он был лесником, и мы с матерью часто к нему ходили. Земельного надела у отца не было. Он как солдат не получил его, поэтому занимался отхожим промыслом.

Мое мальчишеское увлечение – делать деревянные ружья. Однажды смастерил небольшое ружейное ложе. Где-то достал трубку от зонта, присоединил ее к стволу. У дедушки достал немного пороха, собрал ребят, и мы в огородах, где уже выросли большие подсолнухи, решили пострелять. Я держал в руках самодельное оружие, а соседский парнишка Алешка поджигал запал спичкой. Ружье мое разорвалось, но, видимо, заряд был небольшим, нас лишь немного опалило. Нас за это здорово поколотили, и мы больше такой стрельбой не занимались.

Мать моя, Агафья Максимовна, была трудолюбивая, добрая, очень отзывчивая к чужим горестям. Как ни трудно было ей ухаживать за десятком ребят, она никогда не роптала, не давала согнуть себя нужде.

В 1906 году я закончил трехлетнюю сельскую школу первым учеником. Получил похвальный лист и в качестве премии – Евангелие в хорошем переплете. Страсть к учебе у меня была большая, очень любил математику, но, увы, бедность не позволяла дальше учиться.

Я, как и все мои односельчане, стал заниматься по хозяйству, а в зимние вечера – кустарной работой. Зима в Поволжье устанавливается рано и тянется от Покрова до Пасхи. Все мужчины, в том числе из нашего села, всю зиму ткали рогожу или циновки, валяли валенки или плели корзины, а затем сдавали их хозяевам, вывозившим товар на рынок. Женщины обычно всю зиму ткали холсты и шили из них.

Стал я работать дома – вместе с отцом ткал рогожи. Потом удалось пристроить меня подмастерьем в сельскую кузницу, а к концу 1904 года отец отвез в город Симбирск и оставил там чернорабочим на крахмальнопаточном заводе «Никита Позниовкин и сыновья».

Хотя завод и делал патоку, но мне там было не сладко. Приходилось с утра до вечера перетаскивать с места на место бочки, убирать мусор во дворе, колоть дрова. Работал много, а заработки были, как говорится, с гулькин нос. Едва хватало на то, чтобы прокормить себя. Домой я не смог послать ни гроша. И в конце концов отец пришел к выводу: лучше уж мне трудиться дома, чем даром гнуть спину на паточного фабриканта.

И я вернулся в родное село...

Слезы матерей моего родного села, вызванные войной 1904–1905 годов, связанные с жестоким террором – подавлением широкой революционной волны, прокатившейся по селам Поволжья, никогда не изгладятся из моей памяти. С тех пор я начал познавать сущность войны, сущность народного движения.

Ясно помню, как матери нашего села, проводив своих сыновей на Дальний Восток, скрытно или не таясь проливали слезы. Плакали они, когда провожали, плакали тогда, когда не было весточки с войны, и плакали, когда получали письма.

– Прочти, родной, письмецо, – говорила мне бабушка Марфа Сидоровна, – узнай, что пишет мой сокол ясный – Петя, – а слезы ручьем текут по ее старческим щекам.

В эту минуту мне становилось очень грустно, но я, преодолев свою грусть, говорил бабушке:

– Зачем же ты плачешь, ведь дядя Петя жив, это от него и письмо.

– Жив, милый, жив, – говорила мне она, – от этого-то я и плачу. Ведь он, наверно, замучился в такой далекой дороге. Подумать только и то страшно, куда его загнали. На Сахалин. Ну разве из такой дали кто вернется?.. Да еще эта нечисть япошки, поди, они не люди, а звери. Ах, Боже! Когда же это кончится война, – вздыхая, говорила бабушка.

Я, не дав договорить ей последнее слово, восклицаю:

– А кончится война тогда, когда мы всыпем японцам по первое число, они тогда сразу мир запросят!

Я не заметил, как со двора в избу вошел мой отец. Он посмотрел на меня и на письмо, которое я читал.

– Ну как, жив Петр, где находится, что пишет?

– Да вот пишет, что загнали его на Сахалин. Как будто бы там боев нет, а вот под Порт-Артуром, сообщает, идут страшные бои. Японцы что-то заняли у нас – что – непонятно, зачеркнуты эти строчки в письме.

Отец взял из моих рук письмо, посмотрел его и как бы с досадой сказал:

– Наши Порт-Артур сдали, ну, это к лучшему.

Почему отец сказал, что сдача Порт-Артура к лучшему, – я так и не понял. Бабушка набожно перекрестилась. Я же, набравшись храбрости, сказал отцу:

– А все же мы японцев победим.

Отец посмотрел на меня и сказал:

– Молод ты еще, сынок, и тебе не понять этой мудрости.

Мне стало почему-то нехорошо, стыдно своих слов, в голове мелькнула мысль – как это так, что наш белый царь и не победит японского царя. Почему же русский царь Петр Великий победил шведов, почему же Россия победила Наполеона? Хотелось в эту минуту поговорить с

отцом, но вспомнил, что он сказал обо мне – «молод ты еще», хотя я с ним был не согласен, ибо мне шел тринадцатый год. Я окончил сельскую школу и считал себя взрослым.

Не сказав больше ни слова отцу, я решил спросить нашего уважаемого сельского учителя, кто же в войне с Японией победит. Однако мне не пришлось скоро увидеть учителя, и я забыл этот вопрос.

Правительство царской России с первых дней войны с Японией опозорилось. Эта печальная весть разносилась с быстротой молнии по всей Руси, вызвала революционный подъем рабочего класса промышленных городов, докатилась до глухих деревень и сел. Но русский мужик не хотел верить в то, что Россия в войне с Японией проиграет. Он знал свою могучую силу, он знал, что если для этой силы создать необходимые условия и направить ее на правильный путь, то эта сила всегда победит. Но факты – упрямая вещь. Они говорили о том, что японцы на море потопили наш флот, а на суше – захватили Порт-Артур и наступают на Харбин.

Крестьяне стали задумываться и искать причины поражения, стали больше прислушиваться к рабочему классу. Начали больше брать пример с городского рабочего, который в это время под руководством революционных партий поднимал повсюду восстания. Революционная волна с еще большей быстротой, чем вести о неудачах на Дальнем Востоке, начала разливаться по деревням и селам и вовлекать их население в революционное движение. К осени 1905 и весне 1906 года крестьянское восстание охватило все Поволжье.

Эта новая волна совпала с началом моей сознательной жизни и никогда не изгладится из памяти.

...Осенний вечер окутал непроницаемой темнотой небольшие избы с соломенными крышами. Моросил дождь. Казалось, что в такую погоду да еще после тяжелого дневного труда на полевых работах крестьяне села Шатрашаны должны были погрузиться в сон. Но народ не ложился спать. Время шло к полуночи, а огоньки все еще светились то в одном, то в другом конце села, в большинстве изб.

Ночные сторожа не раз уже прошлись по улицам села, давая знать о себе, что они бодрствуют, а стало быть, хорошо сторожат. При другой обстановке, когда не было волнений в народе, сторожа не раз бы заглянули в окно той или иной избы, где долго горел свет. Несколько позднее узнал бы урядник села, что крестьяне допускают «беспорядки», и пошла бы «писать губерния».

Почему же долго не ложились спать крестьяне в этот осенний вечер? На то была веская причина. Гаврила Иванович Гуськов сегодня приехал из города Симбирска и привез весть о том, что в селе Нагаткино восстали крестьяне и что мужики прогнали управляющего помещика Белякова и все помещичье движимое и недвижимое имущество забирают и делят между собой. По приезде Гаврилы эта весть быстро облетела все село. А вечером крестьяне группами по десять-пятнадцать человек собрались в избах и обсуждали этот вопрос.

В избе, которая стояла недалеко от церкви, посреди села, которая принадлежала моему отцу, также собралось до двух десятков крестьян. Здесь же был и Гаврила Иванович Гуськов, наш сосед. Младшие мои братья спали, а я, несмотря на позднее время и сон, от которого слипались мои глаза, лежал на полатах и чутко прислушивался к каждому слову. Говорили много о восстании нагаткинских крестьян. Большинство одобряло и хвалило эти смелые действия.

– Вот, друзья, как надо обращаться с этими кровопивцами, а мы с вами спины до земли гнем перед каким-то басурманом, этим управляющим князя Голицына. Больше того, мы даже не знаем, кто он и откуда эта нехристь приехала. Где его выкопал князь Голицын?!

Молодой парень лет двадцати с небольшим Афанасий перебил речь Гаврилы Гуськова и продолжал:

– Ты, брат дядя Гаврила, ежедневно поденно работаешь в имении и ежедневно видишь управляющего, да и речь его слышал. Помнишь, как он тебя распекал, когда ты своей лошади сноп овса взял со скирды. А посмотри на его рожу, и сразу можно установить, откуда эта гадина.

– Я думаю, что он француз, – вставил Гаврила.

– Какой черт француз, ты обрати внимание, какой он злой. Французы такие не бывают. Хотя черт их знает.

Не дождавшись ответа, Афанасий сделал заключение, что управляющий, видимо, из Германии, а может, еще хуже – японец.

– Вот до чего, братцы, мы дожили. На нашей матушке-Руси помещики себе и управляющих как будто бы не могут найти, а почему? Они боятся русского человека. Через иноверцев, они считают, скорее и лучше содрать с нас шкуру. – Это говорил отец.

Когда он умолк, в избу вошел учитель Иван Степанович Новиков. Он принес с собой какие-то брошюрки, которые передал отцу. Отец попросил внимания и предложил прочесть брошюрку, которая была озаглавлена «Хлеб, соль и свобода». В ней популярно и очень понятно было изложено об эксплуатации трудового народа; о грабеже, который ведут торговый и промышленный капитал. В конце брошюрки было стихотворение, которое через несколько дней в открытую пели мальчишки. Некоторые строки я помню до сегодняшнего дня.

Повесим на горьких осинах
и попов, и дворян, и царя.
За землю, за волю, за хлеб трудовой
пойдем мы на битву с врагами...

Брошюра взволновала наших мужиков не меньше, чем весть о восстании нагаткинских крестьян.

Долго продолжали мужики говорить о том, что нужно делать. Наконец, было решено созвать общественный сход, под предлогом обсуждения вопроса о купле помещицьеи земли.

Крестьянское восстание продолжало расширяться по всей Симбирской губернии. Среди населения основной темой разговоров только и было, как о восстании то одного, то другого села.

Шатрашанские крестьяне ждали с нетерпением общего схода, который был назначен на один из воскресных дней в октябре месяце. Мужики торопились с общим собранием, они под тем или иным предлогом собирались предъявить свои экономические и политические требования к помещику – князю Голицыну.

Царская охранка, в свою очередь, также не дремала. До общего схода в селе Шатрашаны управляющий вызвал из Симбирска до полусотни стражников, которые расположились со всеми удобствами в имении, зорко охраняя помещичий дом.

Когда в имение прибыли стражники, управляющий, опираясь на них, стал запугивать крестьян тем, что они жестоко ответят за все случаи проявления с их стороны бунта, как выражался он. Это не напугало шатрашанцев. Общий сход села был собран. На этот сход прибыл земский начальник, который, видимо, хотел своим присутствием и наличием стражников предупредить восстание. На собрании крестьяне твердо предъявили свои требования: продать им землю и передать все движимое и недвижимое имущество имения. Земский начальник сказал, что это зависит от хозяина и что самим этого делать нельзя.

– Это грабеж! – начал в истерике выкрикивать он.

Как громом оглушила эта речь земского начальника мужиков. Первоначально произошло общее волнение всего собрания, а когда народ несколько успокоился, я услышал речь отца, который говорил, что крестьяне никогда грабителями не были и не будут, наоборот – помещики грабят крестьян.

– Кто князю Голицыну нажил имение, когда он сам не только не работает, но палец о палец не ударяет. Скажи-ка, господин земский начальник, почему князь Голицын один владеет таким огромным участком земли, когда мы всем селом этого не имеем? А что, вы не

знаете, что ли, мужику курицу выпустить некуда, а вы еще упрекаете мужика в грабеже. Вы скажите, пожалуйста, есть на вас крест или вы такой же, как и наш управляющий, безбожник? Вы сообщник его!

Земский начальник хотел что-то сказать, но множество голосов заглушило его слова. Народ шумел, как пчелы в улье. Из-за шума трудно было ясно услышать, что говорили мужики. Слышались лишь отдельные выкрики:

– Сами вы грабитель... Ишь, умник нашелся... Долой его, пузатого черта!

Я с ребятами стоял в сторонке. Мы забрались на высокий плетень двора, где проходил сход. Нам хорошо было видно, как земский начальник утирался платком и крутился на месте как белка в колесе после каждого выкрика по его адресу.

Под свист и разные прибаутки мужиков земский начальник покинул, вернее, сбежал с собрания. Сельский староста и старшина, присутствовавшие на сходе и находившиеся все время около своего начальника, перепугались не меньше. Они навесили себе на грудь должностные медали для большего своего авторитета, а главное – для того, чтобы все знали, что их личности неприкосновенны. Они пытались уговорить крестьян, но это не помогало. Возбуждение, злоба на управляющего и земского начальника продолжали возрастать. Мужики, особенно из среды бедноты и батраков, требовали решить вопрос тотчас же. Они предлагали всем сходом пойти в имение, вызвать управляющего и объявить ему свои требования. И вот тысячная толпа мужиков всего села, а с ними вместе и масса мальчиков и подростков двинулись к имению, которое было расположено на окраине села.

Прекрасный фруктовый сад, длинные широкие липовые и березовые аллеи, которыми был обнесен барский дом, были затоплены людской массой. Все шли к имению, к дому, где проживал управляющий. И вдруг перед людьми образовалась из стражников вооруженная цепь, которая преградила путь. С ружьями наперевес стояли «фараоны» перед людской массой. На одну минуту мужики остановились, как бы в недоумении. Казалось, что сейчас вся эта людская масса повернет обратно, туда, откуда пришла, а стражники откроют по ним пальбу. Но этого не произошло. Вперед вышел молодой рослый парень Афанасий, который, сняв с головы картуз, зычным голосом крикнул:

– Ну, стреляйте! Но помните, мы вам этого не простим!

И с этими словами он один двинулся вперед. Цепь стражников расступилась. Мужики с сильным шумом ринулись к дому.

Один за другим уходили вооруженные стражники обратно к себе, а некоторые в дом управляющего. Другого выхода у них не было. Их всех в бешеной ненависти могли смять и задушить те люди, которые жаждали свободы и равноправия.

Обнажив головы, стояли крестьяне около барского дома, ожидая выхода к ним управляющего, но тот, видимо, приводил себя в порядок после сильного испуга, долго не выходил к мужикам.

Наконец, он, бледный как полотно, появился на балконе. Не попадая зубом на зуб, он обратился к собравшимся людям со следующими словами:

– Что вы хотите, старики?

Народ хором ответил:

– Мы хотим, чтоб нам продали землю за недорогую цену, а также тягловую силу и сельскохозяйственный инвентарь. Цену за землю просим объявить нам сегодня!

Управляющий долго утирал платком вспотевшую лысину, видно было, как он продолжал волноваться. Откашлялся и заговорил:

– Дорогие отцы, – но затем поправился: – Дорогие старики. Я ничего вам сказать не могу о продаже земли и тем более о ее цене! – Затем, передохнув, добавил: – Я не хозяин, хозяин в данное время уехал за границу.

Народ, видимо, заранее знал, что ответит управляющий. Вновь хором загудели голоса мужиков:

– Если вы не хозяин, то почему же вы гнете нас в бараний рог? Почему вы душите нас разными штрафами?!

– Братцы... – хотел было что-то сказать управляющий, но в это время из толпы ответил ему сильный голос:

– Вам братец в Брянском лесу серый волк!

Взрыв смеха оглушил всех на барской поляне. Управляющий, опять еле оправившись от испуга, продолжал лепетать:

– Старики, вы поймите, ведь я не хозяин, не хозяин!

– Ну, уж если вы не хозяин, так катитесь от нас подобиру-поздорову, пока не поздно. А землю мы обрабатываем сами, не для вашего господина, для себя.

Управляющий молчал как пришибленный и ничего не ответил на это. Он искал глазами дверь и, видимо, хотел уйти.

Нас, мальчишек, очень обрадовали бесцеремонные, смелые действия наших односельчан.

– Вот так да! – говорили ребята. – Это, пожалуй, похлеще, чем сделали нагаткинские мужики со своим управляющим.

– Конечно, мы сильнее дали жару, – сказал я.

– Сильнее, может быть, и не сильнее, – перебили меня Яшка Тиншенков и Петька Шишканов, – потому что нагаткинские мужики выгнали управляющего, а мы еще нет.

– Ну а что же, – сказал я, – и мы выгоним, и еще с большим треском. А вы думаете, просто выгнать нашего управляющего? Что это вам, беляковский, что ли, управляющий? Поди, наш сам немалая шишка, а то разве взял бы его в управляющие князь Голицын. А разве спроста к нему стражники прискакали, видели, как они хотели по нас стрелять.

В это время мужики начали расходиться. По дороге домой они решили начать пахать зябь на барском земельном участке. Мы все еще продолжали стоять и наблюдать за барским домом. В окне мы увидели силуэт, это был конторщик, работавший в имении. Он хорошо знал по фамилиям всех наших шатрашанских мужиков и переписал из них активистов.

После столь бурного общего собрания села, резких требований и обращения с земским начальником и управляющим крестьяне долго не могли успокоиться. Продолжались сходки, толковали о происшедшем. Некоторые малодушные крестьяне раскаивались в том, что пошли на сход и в имение. Они расценивали это как бунт и ждали строгого наказания.

Большинство же шатрашанцев продолжали доказывать правоту своих деяний. Они говорили, что если даже сам царь узнает их требования, то им, как малоземельным, продадут землю и никогда никто их не будет наказывать. За что?! За что наказывать, говорили крестьяне, ведь наши требования законны, скажет царь. Когда 17 октября вышел царский манифест о политических свободах, это ободрило и даже обрадовало крестьян, еще больше убедило их в правоте своих требований. Избрав уполномоченных, мужики послали их к управляющему говорить о купле земли, поскольку осень была на исходе и приближалась суровая волжская зима. Требовалось топливо, и этот свой вопрос крестьянин хотел решить за счет барского леса.

Несмотря на царский манифест, помещичьей земли и леса крестьяне не получили. Управляющий отказал во всем. Крестьяне сильно обеспокоились и еще больше возненавидели управляющего барским именем, думая, что в нем кроются все их неудачи. Они даже написали жалобу царю, но эта жалоба дошла только до канцелярии губернатора. Ничего не помогало. Видимо, правдива народная пословица «до Бога высоко, до царя далеко», как говорили крестьяне. В то же время народный гнев все ширился.

В одну осеннюю темную ночь жители села были разбужены звоном церковного колокола. Обычно такой тревожный набат извещал о несчастье, постигшем население села.

Когда я выскочил на улицу, перед моими глазами предстало огромное зарево пожара. Горело имение князя Голицына. Горели амбары с хлебом, горели конюшни, где стояли лошади стражников. Крестьяне села и глазом не моргнули на пожар, они не волновались, и ни один из них не побежал тушить пожар. Налицо был сговор. В ночной тишине можно было слышать разговоры: пусть горит дотла, пусть пропадает все это награбленное прахом. А стражникам будет хороший урок, чтоб они не шли против своего же брата.

Пожар дотла уничтожил несколько корпусов амбаров с зерном ржи, конюшню с лошадьми и седлами стражников. Уцелевшие стражники и управляющий бежали в Симбирск.

Поздней осенью с войны стали приходить домой демобилизованные солдаты. Тяготы войны, много несправедливостей, увиденных ими на Дальнем Востоке, наложили на них сильный отпечаток ненависти против эксплуататорских классов. Они как бы влили живую струю в повстанческое движение крестьян. Особенно бурно проходили выборы представителей в царскую Думу. Уполномоченным давались наказания с требованием крестьян по всем их нуждам с тем, чтобы правительство облегчило налоги и наделило крестьян землей. Долго питали надежду крестьяне на то, что они получают скоро от царя помощь. Конечно, это было не что иное, как иллюзия, которой тешили себя крестьяне...

В действительности же на восставших надвигалась грозная царская реакция. Помнится, что уже в ноябре в село вернулся управляющий, а вместе с ним до эскадрона конных стражников и жандармов. В декабре эта вооруженная сила увеличилась. Село Шатрашаны было наводнено этими «опричниками», как называли их крестьяне.

А как только установилась зима, в село на постой из уездного города Алатыря прибыл полк драгун. Начались репрессии и избиение крестьян. Если ранее стражники и жандармы боялись даже днем проходить по улицам, то в декабре они днем и ночью стали разбегать и ходить по селу. Пьяных «опричников» можно было встретить всюду. Старики с ними не вступали в ссору, но молодежь, особенно демобилизованные солдаты, не спускали обид, они при каждой стычке с «опричниками» пускали в ход домашнее оружие и камни. Особенно часто стычки крестьян со стражниками происходили в ночное время. Стражники вели слежку, а крестьяне, заманив их в засады, били до полусмерти. Решительных мер вооруженная сила, находившаяся в имении, против крестьян не применяла, то ли боялись, то ли не было на это приказа. Так тянулось время...

Свобода царского манифеста осталась на бумаге. Больше того, о нем запрещалось даже и говорить. Как уже я сказал, в село прибыл на постой полк драгун. Представители, посланные в губернскую думу, были выгнаны оттуда. В Шатрашаны начали приезжать из губернского города Симбирска разные начальствующие лица.

Начались облавы. В январе отца вызвали в имение, точнее, не вызвали, а увели стражники. Через три часа он еле дошел домой. Окровавленный, избитый исправником и стражниками. Под слезы моей матери он рассказал нам, как его допрашивал исправник, который хотел выведать всех активных «бунтовщиков» села. Когда отец отказался наотрез отвечать, тот начал его избивать. Затем передал стражникам, те в свою очередь били плетьюми. Затем снова доставили к исправнику, и снова отец отказался назвать своих сообщников. Тогда ему приказали вызвать троих односельчан – Чурбашкина, Алешечкина и Уланова – и привести их в имение. К счастью, с отцом по тропке не пошел ни один стражник.

Отец сказал, что он дорогой продумал все и решил товарищей не вызывать и в имение не вести. А самому бежать и скрыться до тех пор, покамест будет свирепствовать разгул стражников в Шатрашанах.

Было уже около двенадцати часов ночи. Отец привел себя несколько в порядок. А затем мы запрягли с ним лошадь в сани, и он сказал на прощание матери и старшему сыну Антону, что уезжает километров за тридцать в чувашское село Темерсяны, где думает найти работу,

и чтоб об этом никто не знал. Кто будет спрашивать, отвечать, что уехал на мельницу в село Архангельское.

Итак, отец решил скрыться от царских палачей. Отвезти должен был его я.

В лунную морозную январскую ночь, в 2 часа, мы выехали в село Темерсяны и приехали туда утром. В этом селе у отца был хорошо знакомый ему человек, имени и фамилии которого я сейчас не помню, который нас принял и скрывал отца три месяца.

Накормив лошадь, отец отправил меня обратно, но приказал ехать совсем другой дорогой, по которой я благополучно добрался домой, к большой радости моей матери.

На другой день к нам в дом прибыли стражники за отцом, но мать им сказала, что он уехал на мельницу. Почему-то они не стали придирааться, а приказали: как только отец приедет с мельницы, он должен явиться. Говорили, что Чурбашкина, Алешечкина и Уланова вызывали в имение к исправнику, но не били и вскоре отпустили по домам.

Весть о вызове крестьян в имение к начальству, о побоях отца и даже о том, что он скрылся, облетела «по секрету» все село. Некоторые мужики начали уходить из села, как они говорили, куда глаза глядят.

Начальство все это пронюхало. Чтобы не дать возможности разбежаться крестьянам и скорее покончить с расправой, село было со всех концов оцеплено охраной. На третий или четвертый день после случая с отцом был созван сход всего села. Но на сход никто не вышел.

Тогда стали собирать крестьян силой. И когда согнали всех мужиков села на церковную площадь, сюда прибыли исправник, земский начальник и управляющий имением князя Голицына.

Началась проверка собравшихся, а затем выявление активистов. Управляющий первой зачитал фамилию моего отца, но его не было. Вышел мой брат Антон, который сказал, что отца нет. Ему приказали найти и привести. Брат пришел домой. Он знал, где скрывается отец, и был рад, что его отпустили. До ночи Антон просидел на сеновале, а с наступлением ночи скрылся, так же как и отец.

На площади царские палачи отобрали сорок человек передовых крестьян, оцепили их конным конвоем стражников и жандармов и, избивая публично плетью, погнали в имение.

Оставшиеся на площади мужики долго не хотели расходиться. Они охали и вздыхали, но поделать ничего не могли – сила была на стороне помещика...

Целых полмесяца держали мужиков в имении. Что только не делали с ними: избивали плетью до потери сознания, заставляли работать день и ночь. Затем повторяли допросы и снова били.

Несмотря на жестокий террор, крестьяне всем селом начали требовать освобождения забранных крестьян. Писали прокурору. Что подействовало, трудно сказать, но всех мужиков отпустили, установив над ними строгий надзор. Особенно строгий надзор был установлен над нашим домом. К нам ежедневно приходил стражник для обыска. Искали отца и брата. Наш дом со стороны жандармов считался подозрительным, опасным.

Как бы стиснув от зубной боли зубы, шатрашанцы мужественно переносили произвол царской вооруженной банды. Пьяные стражники днем и ночью врываются в дома крестьян, делают как бы обыски и облавы, на самом же деле грабят крестьян и издевались над ними. Особенно бесцеремонно стражники обращались с нашей семьей. Под предлогом строгого надзора за нашим домом пьяные стражники врываются к нам в любое время. Обнажив шашки, они шарили по углам, как бы ища спрятавшихся отца и брата. На самом же деле брали что попало под руку и несли все это в имение. Мать молчала, когда происходил этот грабеж. Она только старалась уберечь нас, своих детей.

Видимо, для окончательного завершения подавления крестьянского восстания в конце февраля в селе проводился подворный обыск. Начальство, наверное, беспокоило наличие у крестьян политических прокламаций и брошюр, так как их извлекли до этого очень мало.

Кроме того, при обыске изымали все, что хотели, что являлось ценным для наживы. Было известно, что тот самый исправник, который избил отца, шел с обыском, во главе стражников, по улице, где жили мы. В семье у нас, после того как скрылись отец и брат, я остался из мужчин самый старший.

Я знал, что у нас в доме имелись политические брошюры, но поскольку нас часто посещали стражники и производили обыск и раньше, то я не только политические брошюры, но и все более или менее подозрительные книги надежно спрятал на чердаке.

Обыск у нас длился недолго, главным образом, стражники рылись в книгах. Правда, книг у нас было немного, их все и перелистали стражники на глазах исправника, который руководил обыском.

Не найдя ничего компрометирующего среди книг, исправник начал злиться и багроветь. Ему на глаза попались две книги, лежавшие на полке, – «Воскресение» Л.Н. Толстого и «Обрыв» И.А. Гончарова. Исправник приказал мне подать их ему. Когда я доставал эти книги, стражник, стоявший рядом со мной, начал бить меня нагайкой. Я ожидал этого, но все же книги выпали из моих рук, и я, окаменев, сжал зубы. Я не плакал, это еще больше раздражало исправника. Но бедная моя мать упала в обморок, а затем, опомнившись и придя в себя, она бросилась на колени перед исправником, прося для меня пощады.

Исправник пренебрежительно отвернулся от матери и грубо сказал:

– Ваш сын весь в отца, примите меры хорошего воспитания, а то ему плохо будет.

Слова исправника меня не напугали, а обрадовали. У меня даже боль от нагайки прошла, а в голове промелькнула мысль: ох, хорошо, что я буду таким, как мой отец, как все те наши односельчане, которые так мужественно переносят побои и ничего не боятся.

Не зная, что еще сделать, исправник обратил внимание на дрова, лежавшие около печки для просушки. Он приказал эти дрова немедленно отнести в имение, тогда как большая часть дров, которая лежала во дворе, осталась нетронутой.

Затем он допрашивал мать и меня – где скрывается отец. Мы единогласно заявили, что ничего не знаем. Недовольный результатами обыска, раздраженный исправник ушел с нашего двора.

Я с трудом запряг лошадь в сани, повез дрова в имение. Когда я въезжал в усадьбу, увидел пьяных стражников, которые чем-то занимались, то ли ружейными приемами, то ли чисткой оружия. Ехать мне нужно было мимо них. И вот когда мои сани были напротив них, один из стражников нарочно прицелился в меня из карабина. Я в душе сильно перепугался и невольно прилег в санях вниз лицом.

Вдруг услышав хамский смех, я понял, что стражники смеялись надо мной.

Сбросив быстро дрова, я возвратился домой. Мать схватила меня в объятия и долго плакала около меня. Я не находил слов для ее утешения.

До марта 1906 года тянулось следствие по делу восстания шатрашанцев. Следствие вели губернские следователи, побоев стало меньше. Да и большинство стражников и жандармов уехали из села. Ушел из села и полк драгун. Отец и брат вернулись домой. Их долго допрашивали. А затем был суд над всеми крестьянами села, которые привлекались по делу крестьянского восстания.

Десятерых суд приговорил к двум годам тюрьмы. Среди этих десяти был и мой отец. Другим тридцати крестьянам, в том числе и моему брату Антону, дали по одному году тюрьмы. С апреля все осужденные сидели в городе Буинске – в уездной тюрьме.

Один только раз мне пришлось увидеть отца, и то издали. Заключение ходили по двору тюрьмы. Это было в начале июня.

Шатрашанцы приготовили сухарей, которые послали в тюрьму для передачи своим землякам, так как они голодали. Но голодали не только в острогах, голодали мужики и рабочие всюду. И часто можно было слышать на улице села протяжную песнь, в которой были слова –

чей по Волге стон раздаётся в острогах, на полях и в степи... Волга, Волга, весной многоводна ты уже не так. Затопляешь луга, как великою скорбью народной переполнилась наша земля...

Еще не сошел снег с полей, а крестьяне уже выехали на обработку своих узких полосок земли. Каждый старался поскорее кончить весенний сев и пораньше уйти на заработки в город. Мы всей семьей, после того как угнали и посадили отца и брата в тюрьму, порешили с матерью, что пахать и засеять землю весной 1906 года буду я. Пахать сохой я кое-как умел, а сеять, я считал, хитрость небольшая. Но, как я убедился вскоре на практике, для того чтобы хорошо сеять, нужны знания и сила. Если же их нет, то после посева остается много незасеянных мест. Так оно и получилось. Когда появились всходы, мы обнаружили с матерью много пустых мест... Так называемых обсевов.

На весеннюю пахоту я выехал вместе со своими односельчанами. Пророздив 12-саженную по ширине полосу на несколько полосок, я начал сеять овес. Первую полоску я засеивал очень долго. Было как-то неудобно сеять. Я бросал горсти семян то под правую, то под левую ногу.

Старый опытный мужик – Чурбашкин Сергей, работавший недалеко от меня, заметил это. Он подошел ко мне и научил меня, как нужно рассеять семена. Он сказал: брать семена в горсть нужно сжимая их в руке, а затем под каждую левую поступь ноги бросать семена. Он сам показал мне это, а затем я в его присутствии повторил урок.

Весенняя работа в поле кое-как была завершена, но это не облегчило горя матери. Мать часто по ночам плакала, скрывая это от нас.

Весну и лето 1906 года шатрашанские крестьяне пережили в исключительно тяжелых условиях. Судьба сорока человек из села, посаженных в тюрьму, не давала мужикам покоя, часто втихомолку вспоминали о происшедшем восстании, и все село жалело заключенных.

Невзирая на нищету и оставшихся сирот, чиновники безжалостно взымали недоимки. За недоимки у крестьян отбирали последнюю коровенку, домашнюю утварь и за бесценок продавали все это на базаре.

Слезы матери, тюремное заключение отца и брата вызывали во мне не столько чувство жалости, сколько желание уйти в город и там на заводе или фабрике заглушить свое горе, услышать правду и научиться бороться с угнетателями.

Мать не хотела, чтобы я уходил. Она часто говорила мне: куда ты пойдешь, дитя мое; во-первых, ты молод, во-вторых, ты еще не знаешь никакого ремесла. Долго по вечерам я думал над словами, сказанными мне матерью, но все же решил уйти «в чужие люди». Я доказывал матери, что на заводы в город идут работать не только люди, знающие ту или иную специальность, но и те, которые хотят получить специальность на производстве.

Добрая моя мать, как все матери, не стала меня удерживать, она благословила меня и только сказала:

– Ну, сынок, добрый тебе путь, смотри за собой и помни, не забывай, что у тебя есть отец, который сидит в тюрьме, страдает за народ, у тебя есть мать, которая любит тебя. Береги себя.

Я чуть было не заплакал, и только скорбь матери, которую мог усилить мой плач, удержала меня...

Итак, в конце мая я ушел из родительского крова по направлению к суконной фабрике Протопопова, которая находилась в сорока километрах от нашего села. Первый раз один шел я по незнакомой дороге. С котомкой за плечами не раз я спрашивал встречавшихся прохожих или проезжих, как пройти до фабрики. Не раз обдумывал я вновь свое решение. Утомленный, к вечеру я добрался до фабричного поселка Казмино, где была расположена суконная фабрика Протопопова.

В конторе фабрики, где производился наем и расчет рабочих, уже собралось до десяти человек. Из всех нас взяли на работу только пятерых, остальным, в том числе и мне, было отказано. Нам сказали, что для нас нет на фабрике подходящей работы.

Я вышел из конторы, как оглушенный ударом молотка по голове, не зная, что делать и куда дальше идти мне на работу. И еще больше сжималось мое сердце при мысли, что мне придется вернуться!

Уже вечерело. Я шел по фабричному поселку, усталый, разбитый, думая уже не о том, куда пойти дальше искать работу. Передо мной встала новая дума – где ночевать.

Для жителей фабричного поселка, видимо, было неудивительно видеть каждый день новых людей, приходивших наниматься на работу. Неудивительными были для них и вопросы: дяденьки или тетеньки, где бы здесь у вас переночевать-то? Они охотно отвечали – вон там, на окраине села есть избенка, в ней живет одна старушка, она пускает на ночлег. Так было и со мной, мне показали эту избенку, я нашел ее без труда и переночевал без всяких приключений. Утром, поблагодарив хозяйку и заплатив ей за ночлег 5 копеек, я вышел за село.

Что делать, куда идти работать? – спрашивал я сам себя. И здесь же вспоминал мать...

От окраины поселка шла дорога на большое село Тагай и далее к имению помещика Фирсова. Не задумавшись, пошагал я по этой дороге. В село Тагай пришел в двенадцать часов. Это село было зажиточное. На завалинках, на бревнах около хат сидели по-праздничному разодетые крестьяне и крестьянки. Они грызли семечки и оживленно говорили о весенних всходах, определяя будущий урожай.

День был воскресный. Я подошел к одной группе крестьян спросить – далеко ли от села до имения помещика Фирсова и как туда попасть. Мне вежливо ответили на мой вопрос и рассказали, каким путем ближе пройти. Одновременно меня спросили, откуда я, куда и зачем иду. Один крестьянин предложил мне остаться у него работать. Он повел меня к себе в дом, который выглядел не весьма богато, и предложил пообедать с ним. Я не противился, так как голод давал о себе знать. Без стеснения и очень быстро я поел, что, видимо, понравилось хозяину. Он рассуждал так – кто быстро ест, тот быстро и хорошо работает.

После обеда хозяин предложил мне:

– Ну что, оставайтесь у меня работать до Покрова. Жалованьем не обижу – двадцать целковых деньгами и валенки в придачу.

Нужно признать, что батрачить мне у тагайского мужика не хотелось. Но не хотелось и обидеть его после того, как он накормил меня довольно сытными щами.

– Цена подходящая, но я еще должен подумать. Возможно, останусь работать у вас, – сказал я ему на прощание.

Крестьянин, видимо, не так уж и нуждался в моей рабочей силе. Он ответил мне довольно вежливо и спокойно:

– Невольно я вас не стану, можете сходить в имение Фирсова, узнать там условия работы и, если не найметесь, приходите ко мне.

Я поблагодарил старика и направился в имение Фирсова. Здесь мне предложили остаться работать в кузнице подручным или на сушилке кочегаром. Условия: поденно – 25 копеек в день, помесечно – шесть с полтиной в месяц. Сделав арифметический расчет цены у мужика и помещика, я нашел, что у помещика я буду получать на рубль двадцать пять копеек в месяц больше. К тому же работа в имении подручным в кузнице или кочегаром меня более прельщала. И я остался работать в фирсовском имении, где проработал до осени. И когда пришел домой с двадцатью пятью рублями заработка, мать до слез была рада. Эти деньги помогли нам прожить зиму.

В чужих людях – в имении Фирсова – я понял, как тяжел труд рабочего. Как-то раз, работая в кочегарке, нагнав высокую температуру в сушилке, я прилег отдохнуть и незаметно для себя задремал. Не помню, сколько я лежал. Только помнится мне, как я вскочил и увидел, что топка почти что погасла, а температура в котле сильно понизилась. Норма пропуска зерна через сушилку была нарушена. Это дело дошло до управляющего, и меня за это с работы в

кочегарке сняли и перевели в кузницу. Правда, я не очень жалел об этом, так как от 12-часовой работы, непрерывной подачи в топку топлива, у меня по ночам страшно болели руки.

Все же было обидно, и я переживал этот случай тяжело. Помогли мне товарищи рабочие. Они мне говорили: «Ты, браток, не печалься, ты ведь никакого преступления не совершил, не ты виноват, а хозяин. Двенадцатичасовой рабочий день – это не шутка. В таких условиях можно уснуть так, что и совсем не встанешь. Ты, брат, всегда знай, сколько бы наш брат рабочий ни работал, все равно хозяин будет недоволен».

После таких разговоров мне становилось легче.

Работу в кузнице, куда меня перевели, я полюбил еще больше, чем кочегарку. Когда уходил домой, мне было жаль расставаться с кузнецом Петром Антоновичем Чачиным. Этот прекрасный мастер по всей округе был известен как большой специалист по ремонту сельскохозяйственных машин, закалке лемехов к плугам и даже как мастер по починке часов.

Петр Антонович Чачин очень хотел, чтобы из меня вышел хороший мастер-кузнец. Он был очень добр и учил своих подручных хорошо. Слабостью его была выпивка, он не мог жить без водки. За это его и уволили, после чего и я взял расчет. Уже дома я долго не мог забыть этой моей первоначальной работы в чужих людях и моего П.А. Чачина.

В декабре я снова уехал со своими односельчанами на работу в Симбирск на паточный завод Поздиковина. Эта работа была мне неинтересна, к тому же она была сезонной. Летом я вынужден был работать на кирпичном заводе. Таким образом, в Симбирске я проработал до осени 1907 года.

В Симбирске я по воскресным дням любил ходить с товарищами на берег Волги. Широта и красота величайшей русской реки привлекали не только меня, но и всех, кто жил там. Особенно красива Волга вечером, ночью, когда пароходы и плоты плавно плывут по ней с верховья реки. А на берег доносится душевная песня волжских сплавщиков. И в то же время теплоходы оглушают вас могучими бархатными протяжными гудками.

Долго я засиживался на берегу великой матушки-Волги. Городской парк пустел, только памятник историку Н.М. Карамзину оставался неподвижно стоять и как бы в раздумье вспоминать бывшее...

Глава 2

Рыбак на Каспии

Ну а что там, в низовьях этой реки, как живут там рыбаки? А каково это синее Каспийское море? Вот о чем я больше всего мечтал на волжском берегу. Эта дума все крепче захватывала меня. С волжского берега меня стало тянуть к морскому берегу, а затем в море, которое я впоследствии полюбил.

Пароходы обществ «Самолет», «Кавказ Меркурий» и «Русь», курсирующие по Волге, несмотря на позднюю осень, продолжали совершать по расписанию свои рейсы от Нижнего Новгорода до Астрахани. Владельцы более комфортабельных быстроходных пароходов принимали срочные коммерческие грузы купцов, на которых наживали капитал. На этих пароходах разные пассажиры, люди разных профессий совершали турне по красавице Волге ради своего удовольствия. Цена на билет за проезд была дорогая.

Пароходы общества «Русь» перевозили главным образом товары. На этих же пароходах передвигалась масса простого рабочего люда, ища в городах заработка.

...На одном из пароходов «Руси» под названием «Добрыня Никитич», идущем в Астрахань, расположились трое парней. Двум из них было по 23 года. Один из них был мой брат Ефим, другой – его товарищ Сергей Дементьев. Третий был я. Мне в ту пору было 15 лет.

– А здорово мы устроились, – говорил брат Сергею.

– Ехать далеко, на этой черепахе дней пять проедешь, а может, и больше. Нужно подыскать, пожалуй, более удобное местечко, – отвечал Сергей. – А то вдруг пойдет дождь, зальет. Да ночью на открытой палубе и холодновато будет спать. Я подыскал более удобное местечко у машинного отделения. Там будет и теплее.

Брат запротестовал:

– Переходить не будем. Погода стоит хорошая, и чем южнее будем спускаться, тем будет еще лучше. Для чего таскаться?

Мне хотелось перебраться к машинному отделению и расположиться там до конца поездки. Прельщала машина парохода, наблюдать за ее работой было очень интересно. Несмотря на запрет со стороны брата никуда от вещей не уходить, все же я два раза бегал и рассматривал двигатель машины. Поэтому я поддерживал предложения Сергея. В итоге решили оставаться на открытой палубе, одновременно приберегая местечко возле машинного отделения.

На каждой пристани, где останавливался пароход, брат сходил на берег за покупками продовольствия. Я бегал за кипятком, который брал у буфетчика за три копейки полный чайник емкостью на пятнадцать стаканов.

...Солнце было на закате. «Добрыня Никитич» шел полным ходом, разрезая мелкую волну и разбрасывая лопастями водяные брызги далеко за кожура своих колес. А легкий ветерок подхватывал эти брызги и мелкой росой обдавал нас, расположившихся на палубе.

После тяжелой грязной работы на кирпичном заводе поездка на пароходе для меня была сказкой. В ту ночь я долго не мог заснуть от всех тех впечатлений, которых набрался за день на пароходе, и от тех чудных мест Волги, возле которых проходил наш «Добрыня Никитич». Я долго лежал с открытыми глазами, вспоминая увиденную красоту природы, всматриваясь в звездное небо. Пароход, слегка покачиваясь, продолжал проворачивать колесами прозрачную воду Волги, создавая этим самым вместе с работой машины непрерывный шум. Я прислушивался к этому шуму как к музыке.

Пароход подходил к одной из очередных пристаней. Матрос подавал конец шеймы для причала. Два броска матроса не достигли цели. Пароход течением воды начало относить от пристани. Снова заработали колеса парохода, а одновременно с этим дежурный вахтенный

помощник капитана разразился оглушительной бранью на матроса. Последний бросил третий раз. На дебаркадере послышался голос: «Есть!» Пароход пришвартовался к пристани. Водворилась тишина. Я ворочался с боку на бок и не мог никак заснуть. Осмотрелся возле себя по сторонам, проверяя, целы ли вещи, здесь ли брат и Сергей. Оказалось, что брата и Сергея около меня не было, они стояли на борту носовой кормы и вели разговор.

Прислушавшись к их разговору, можно было понять, что они разговаривали о нашей предстоящей работе.

– Приедем в Астрахань, сядем на пароход «Братья Фадеевы» и через день будем в поселке Мумры.

– Я не о том тебя спрашиваю, – говорил Сергей Дементьев. – Я спрашиваю тебя о том, куда мы пойдем в Мумрах.

– Как куда? Пойдем прямо к Ивану Андреевичу Елкину. Ну а потом осмотримся, все узнаем, наймемся работать на промысел, а может быть, будем работать вместе с Елкиным и Леонтием Тюленевым, на их лодках.

Семья Л.М. Тюленева и Ивана Елкина были нашими дальними родственниками. Еще в 1900 году они уехали из села Шатрашаны в поселок Мумры, что возле самого Каспийского моря, и занимались там рыболовством.

Рыболовецкая работа, которой занимались жители поселка Мумры, в том числе и Елкины, проводилась в весьма тяжелых условиях. Рыбаки выезжали и днем и ночью на лов рыбы, но не всегда он был удачным. Чаще всего на таких посудинах, которые не позволяли уходить далеко в море (а вдали на глубинах всегда было больше рыбы), и из-за ветхой ловцовой снасти рыбаки возвращались с лова, как говорится, с пустыми руками. А если иногда и удавалось поймать несколько пудов рыбы, то она сдавалась хозяину за бесценок. Поэтому рыбаки, в том числе и Елкины, были в долгах, вернее, в кабале у крупных рыбопромышленников Сапожников, Беззубикова и Леонозова.

Тем не менее рыболовы, построив себе для житья из камыша и глины хаты, под контракт у промышленника приобрета старенькую лодчонку и снасть, приспособлялись к этой трудной рыболовецкой жизни. Они выжидали ветра с моря, так называемую «моряну», когда она пригоняет к берегам протоков рыбу. Тогда они, несмотря ни на какие трудности, выезжали снова на лов. Так втягивались рыбаки в свою рыболовецкую жизнь и жили на полуостровах Каспия десятки лет.

В такие глухие поселки в годы реакции уходило много мужиков и парней, прямых участников крестьянских восстаний 1905–1906 годов или просто замешанных в тех событиях. Эти люди становились рыбаками или же работали на рыбных промыслах.

Поселок Мумры был небольшой, располагался на протоке Бакланий недалеко от главного банка, по которому шли волжские суда на 12-футовый рейд Каспийского моря. В поселке было три рыбачьих промысла, все они принадлежали рыбопромышленнику Сапожникову. На этих промыслах работало в весеннюю и осеннюю путину до 1500–2000 промысловых рабочих. Так что поселок был очень оживленным местом. Обо всем этом вкратце и написал Иван Елкин в своем письме к брату.

– Ничего, Сережа, устроимся мы на этих Мумрах не хуже других, – говорил сейчас мой брат Ефим. – И по крайней мере, никто из полиции не будет к нам придирааться. Да и работа будет почище, чем на кирпичном заводе.

Больше я уже ничего не слышал. Я заснул крепким сном на чистом волжском воздухе.

Когда я проснулся, пароход стоял около большой пристани. Брат ушел в город что-то купить. Сергей готовил завтрак.

– А где мы стоим? – спросил я.

– На пристани в городе Самара, милоч, – ответил мне Сергей. – Это один из больших волжских городов. Через этот город проходит железная дорога, по которой можно проехать в Среднюю Азию в город Ташкент.

– А что, Самара и Ташкент больше нашего Симбирска? – спросил я.

– Насчет Ташкента не знаю, а Самару нельзя сравнить с нашей дырой. – Так Сергей назвал наш Симбирск.

Мне даже обидно стало.

– Я думаю, Сергей, так о нашем городе нельзя отзываться. В нем родился и жил Карамзин, а ты говоришь – дыра, а какой красивый парк на берегу Волги.

– Да я не с этой точки зрения, а потому, что промышленности в нем нет. Нет таких заводов, на которых можно было бы устроиться и работать прилично.

Вдруг загудел гудок парохода, прервавший наш разговор. Это был первый сигнал для пассажиров, сходящих на берег во время стоянки, гулявших на пристани и в городе, чтобы они собирались на пароходе, которому оставалось до отправления полчаса.

Мы не заметили, как пришел из города Ефим. Он сказал:

– Ну и дороговизна в городе. Ни к чему приступиться нельзя. Десяток яиц стоит пятнадцать копеек. Я не стал ничего брать, кроме белого хлеба. Думаю, что на следующей пристани можно будет дешевле купить. Надо экономить нам деньжата, путь далекий, да и не к мамушке родной едем, они на Мумрах нам пригодятся, покамест устроимся на работу.

– Хорошо, – согласился Сергей, – у нас есть кое-что позавтракать. Ну-ка, Ванюша, беги за кипятком, ты знаешь, где он водится, а я приготовлю бутерброды.

Пароход дал второй гудок, предупреждая пассажиров, что через пять-десять минут он отойдет от пристани.

...«Добрыня Никитич» шел на всех парах, и мне, стоявшему на палубе и глядевшему вдаль, казалось, что быстроходнее его нет другого парохода. Но вот на горизонте позади нас появился сначала дымок, а потом силуэт парохода общества «Кавказ Меркурий» под названием «Петр Великий». Видно было, как сокращалась дистанция между пароходами. «Петр Великий» оказался современным быстроходным судном. Его ход в два раза превышал ход нашего парохода. Подойдя к нам метров на сто, он дал гудок, как бы попросил посторониться и с гордостью быстро обошел нас.

Публика с парохода «Петр Великий» не то дружески, не то с насмешкой приветствовала собравшуюся публику нашего парохода. Мне было обидно за своего «Добрыню Никитича». Я стоял и думал – почему он не развил быстрее свой ход и почему дал себя обогнать «Петру Великому». Некоторые из нашей публики были, видимо, также недовольны своим пароходом.

Вскоре недовольство прошло. Впереди показались живописные Жигулевские горы. Полуденное солнце осветило их вширь и ввысь, показывая величие и красоту гор, напоминая публике о былых временах Степана Разина, который обрел в этих местах народную славу. Пароход шел близко от берега. Публика вся вышла из кают гулять по палубе и любоваться красотой природы и румяным закатом солнца.

За тот день мы прошли Самару, Волжск, видели много селений на обоих берегах Волги. Все это сильно запечатлелось в моей памяти. И особенно я не мог забыть красоты Жигулевских гор. Они долго представлялись перед моими глазами, и казалось мне, что выше и красочнее этих гор вряд ли я еще увижу. Но когда впоследствии мне пришлось увидеть Кавказские горы, то от моих Жигулей остались лишь воспоминания...

До Астрахани было много продолжительных остановок, но больше всего меня интересовали города Саратов и Царицын. В разговорах с братом и Сергеем я подготовил почву – нельзя ли мне во время стоянки на пристанях Саратова и Царицына пойти посмотреть эти города. Брат отнесся к моему интересу благосклонно, Сергей сказал, что он со мной вместе обязательно пойдет в Саратов и покажет мне его.

На пристанях больших городов пароходы стояли не менее двух часов. Так что мы с Сергеем осматривали город около полутора часов. Несомненно, Саратов больше, чем наш Симбирск, сделал я вывод после осмотра. Особенно мне понравились в городе университет, а на базаре и в магазинах – саратовские гармошки с четырьмя колокольчиками.

В Царицын пойти за время стоянки не удалось. Помешал дождь. Я весьма сожалел, что не посмотрел город. Чем ближе мы приближались к Астрахани, тем шире становилась Волга.

В Астрахань мы прибыли вечером на пятый день нашего плавания. Что меня поразило в первый раз в этом городе – это большой шум на пристанях, непрерывное курсирование парохода – перевоза между Астраханью и Фарфосом. А также огромное количество в протоке, что именуется Балчугом, рыболовецких подчалков и других мелких судов.

Было уже темно, когда мы сошли с нашего парохода «Добрыня Никитич». Нам рассказали, как пройти к пристани «Братья Фадеевы», откуда отплывал пароход на поселок Мумры. Когда мы пришли на эту пристань, то оказалось, что пароход уже ушел, другой должен был отходить на следующий день в 12 часов. Нам предстояло переночевать в Астрахани. Ни в какую гостиницу или ночлежку мы идти не собирались, а решили ночевать на пристани. Два раза нас прогоняли сторожа, и нам не ночевать бы на пристани, если бы Сергей не дал взятку на полбутылки водки. Получив деньги, сторожа нас больше не беспокоили, и мы спокойно переночевали.

В восемь часов мы уже были на ногах. Пароход к пристани еще не подходил. Мы с братом пошли на берег. На Набережной улице было очень грязно. Вдоль берега были устроены садки, куда напускали рыбу. В то время, когда мы шли по Набережной улице, из садков выбирали всевозможную рыбу: сазанов, судаков, стерлядку и осетров. Вынутая из воды рыба билась в корзинах, куда ее складывали, желая выскочить за борт.

Несмотря на раннее время, по Набережной улице ходило много разного люда. Большинство этих людей были обуты в морские сапоги с высокими, до туловища, голенищами. Это были рыбаки. Они грузили на свои судна снасти, сухари, муку и воду. Между простенками больших домов можно было наблюдать много разного рода лавочек, торговавших всякой мелочью и несколько харчевен, где приготавлилась горячая закуска – там уже было много людей, а некоторые из них подвыпивши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.